

презентируют те или иные представления о человеке, воплощенные в путевом «дневнике» Мопассана «На воде» и в его последних романах.

Чехова и в самом деле не случайно называли «русским Мопассаном». В «Чайке» русский писатель, с одной стороны, впервые признал, что в его произведениях действительно не так уж мало от Мопассана, а с другой — тонко показал, что он «не Мопассан»: «он другой». Это «другое» он выражает в основном через образ Дорна. Однако в полной мере оно становится понятно читателю только при условии считывания ее интертекстуального подтекста.¹⁷

Значительные интертекстуальные связи «Чайки» с прозой Мопассана позволяют выявить наличие в пьесе особых «смыслов интертекстуальности». Образ Дорна оказывается концентрацией своего рода интертекстуального подтекста, через который передается внутренняя художественная полемика Чехова с тем пониманием мира и человека, которое воплощено в творчестве Мопассана.

В настоящей статье нам удалось затронуть — причем, разумеется, достаточно бегло — лишь некоторые аспекты «поэтики медицины». Часть из них, по всей вероятности, присутствует также и в творчестве других писателей-врачей: К. Н. Леонтьева, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова и др.

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Кибальник С.* Доктор Дорн против писателя Мопассана (О криптопоэтике чеховских «Трех сестер») // *Филологические науки.* 2022. № 1. С. 62–72.

DOI: 10/31860/0131-6095-2022-3-41-49

© Н. Ю. ГРЯКАЛОВА

«ПСИХОПАТЫ»: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ*

Среди многочисленных самоописаний, характерных для русского модернизма, доминирующее место современные исследователи отводят дискурсу дегенерации, анализируя мироощущение «конца века» и переживания эпохального кризиса сквозь призму «декадентского утопизма» или же рассматривая концепцию вырождения как «большой нарратив» эпохи *fin de siècle* на материале не только литературных произведений, но и репрезентативного корпуса текстов русских психиатров конца XIX века.¹ Вовлечение в сферу внимания патографий — жизнеописаний знаменитых личностей с точки зрения их заболеваний (или психических отклонений) и «патографических текстов» в расширительном понимании,² интерпретация известных модернистских романов в свете популярных клинических теорий,³ а феномена

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ См., например: *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и *fin de siècle* в России. М., 2008; *Николази Р.* Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М., 2019.

² *Богданов К. А.* Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005; *Сироткина И.* Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века. М., 2008.

³ *Сконечная О.* Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М., 2015.

безумия — в семиотической парадигме,⁴ выявление семантического потенциала топика болезни и соответствующего спектра поэтических метафор⁵ — эти новейшие литературоведческие и историко-культурные штудии напрямую коррелируют с «антропологическим поворотом» в гуманитарных науках. Но также и с другой важной составляющей современного знания — с фундированным фукианской эпистемологией постмодернистским интересом к маргинальным феноменам и локусам, к «инаковости», «присутствию» в человеке, в его бессознательном, «Другого», что делает его (человека) нетождественным самому себе, ставит на грань или за пределы «нормы» — психической, социальной, нравственной. Данная научная парадигма способствует дальнейшему осмыслению социальных, интеллектуальных и художественных явлений рубежа XIX и XX веков как периода радикальных изменений модусов мысли, моделей поведения, личностных характеристик, а также векторов литературного развития. В этом контексте целесообразно обратиться к «археологии» употребительного, вплоть до сегодняшнего дня, выражения «психопат», по-прежнему сохраняющего отчетливый пейоративный оттенок, и проследить траекторию его дискурсивной миграции. При этом литературным материалом послужат по преимуществу те произведения или группа произведений, где данная лексема вынесена в заглавие, что манифестирует установку на определенный дискурс, концепт или событийный контекст.

В книге «Уединенное» В. В. Розанов, создатель особого литературно-исповедального жанра, оставил выразительное психологистическое наблюдение: «В мое время, при моей жизни, создались некоторые новые слова: в 1880-м году я сам себя называл „психопатом“, смеялся и веселился новому удачному слову. До себя я ни от кого (кажется) его не слышал. Потом (время Шопенгауэра) многие так стали называть себя или других; потом появилось это в журналах. Теперь это бранная кличка, но первоначально это обозначало „болезнь духа“, вроде Байрона, — обозначало поэтов и философов. Вертер — был „психопат“. — Потом, позднее, возникло слово „декадент“, и тоже я был из первых. Шперк с гордостью говорил о себе: „Я, батенька, декадент“. <...> Все эти слова, новые в обществе и в литературе, выражали — ступенями — огромное *углубление человека*».⁶

Приведенный фрагмент обилием интертекстуальных отсылок — имен, цитат, концептов — настоятельно побуждает к их атрибуции, тем более что до настоящего времени эта работа проделана не была, несмотря на выход многочисленных изданий сочинений писателя. Остановимся на интересующем нас случае.

Розанов, возможно, и лукавил, приписывая себе изобретение словечка «психопат», однако в хронологии он точен. К 1880 году термины «конституциональная психопатия», «конституциональное дегенеративное психопатическое состояние» и производные от них со страниц учебников и руководств по психиатрии, принадлежавших по преимуществу профессорам невропатологии и психических болезней немецких и австрийских университетов,⁷

⁴ Семиотика безумия: Сб. статей / Под ред. Норы Букс. Париж; М., 2005.

⁵ Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006; Трубецкова Е. «Новое зрение»: болезнь как прием острашения в русской литературе XX века. М., 2019.

⁶ Розанов В. В. Уединенное. СПб., 1912. С. 94, 95.

⁷ См., например, популярные у русских психиатров начала 1880-х годов издания, где представлена подробнейшая нозография психопатических состояний: Руководство к душевным болезням / [Соч.] Д-ра Генриха Шюле, врача психиатрического заведения в Илленау; пер. д-ра Д. Г. Фридберга. Харьков, 1880; Учебник психиатрии, составленный на основании клинических наблюдений для практических врачей и студентов д-ром [Р.] Крафт-Эбингом, профессором психиатрии в Грацском университете и директором Областного Штейермаркского заведения для по-

перемещаются в сферу судебно-медицинской практики. Именно в это время происходит вовлечение в компетенцию врачей-психиатров явлений, считавшихся до этого не подлежащими ведению психиатрии, и создается зона «пограничной психиатрии». Изучение психопатий — патологий характера и поведения, не являющихся психическим заболеванием в общепринятом значении, — стимулировалось рядом судебных процессов начала 1880-х годов. Их фигуранты, подсудимые со стойкими нарушениями характера и поведенческих паттернов (сужение эмоционального спектра, ослабление нравственных чувств, различные девиации и проч.), квалифицировались как «психопатические личности», т. е. психопаты и психопатки.

Ранний период развития учения о психопатии протекал под знаком психического вырождения. В течение второй половины XIX столетия создается колоссальная систематика наследственной дегенерации, породившая фигуры «вырожденца», «дегенерата», «психопата». М. Фуко, анализируя дискурсивные практики в связи с историей знания и функционированием европейских «институтов власти», фиксирует внимание на генерализации психиатрии в описываемый период и изобретении ею концепта «наследственность»: «Наследственность функционирует как фантастическое тело то телесных, то психических, то функциональных, то поведенческих аномалий».⁸ Считалось, что развитие психопатии детерминировано дурной наследственностью и в значительной степени связано с инцестом и бастардизацией, т. е. со смешением родственного или чужеродного генетического материала. Отсюда — нота нравственного осуждения и негативной оценки «психопатов», сохранившаяся даже тогда, когда клиническая картина личностных расстройств освободилась от фантома дегенеративной наследственности.

Открывало череду громких судебных процессов слушание по уголовному делу Прасковьи Качки, 19-летней девушки, дворянки, из ревности убившей своего возлюбленного, студента Медико-хирургической академии. Это случилось в меблированных комнатах на Васманной во время товарищеской вечеринки. Выстрел из револьвера был произведен подсудимой в момент исполнения ею романса на стихи Н. А. Некрасова «Еду ли ночью по улице темной...». И это не просто конкретная деталь криминального дела, но факт, существенный для понимания истории социального функционирования литературного текста. Его сюжет в прямой проекции на предысторию жизненной драмы подсудимой (детство, лишенное материнской заботы, наследственность, отягощенная алкоголизмом отца) орнаментировал защитительную речь «московского златоуста» Ф. Н. Плевако, которую современники относили к шедеврам судебного красноречия.⁹ «Дело Качки», которое слушалось 22 и 23 марта 1880 года в Московском окружном суде, было не столь резонансным, как процесс по делу И. Мироновича, Е. Семеновича и М. Безака (1883–1885), о чем речь пойдет далее. Однако именно оно, по мнению историков психиатрии, было первым случаем применения понятия психопатия в рамках судебно-

мешанных: В 3 т. / Пер. с нем. А. Черемшанского, врача Клиники душевных болезней при С.-Петербургском клиническом военном госпитале; с прим. переводчика и доп. к некоторым статьям, сделанными проф. психиатрии в СПб. мед.-хир. акад. И. П. Мерзеевским. СПб., 1881–1883.

⁸ Фуко М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году. СПб., 2005. С. 374.

⁹ См.: Плевако Ф. Н. Дело П. П. Качки, обвиняемой в убийстве дворянина Байрашевского // Плевако Ф. Н. Избр. речи. М., 1993. С. 332–341. В риторической стратегии речи адвоката нашлось место и цитатам из трудов по психиатрии, в частности, уже упоминавшегося Г. Шюле, сторонника теории наследственной дегенерации. Ср.: «Особенное впечатление производят страницы из книги доктора Шюле из Илленау («Курс психиатрии») о детях-наследственниках. Кажись, что это — не из книги автора, ничего не знавшего про Прасковью Качку, а лист, вырванный из истории ее детства» (Там же. С. 335).

медицинского производства.¹⁰ 29 апреля 1880 года на конференции в Преображенской психиатрической больнице московский психиатр С. С. Корсаков, приглашенный к медицинскому освидетельствованию подсудимой, выделил ее психическое состояние в отдельную форму, отличную от признанных законом того времени понятий «безумие» и «сумасшествие», а свойственные ей черты характера — дисгармоничность чувств, аффективная неустойчивость, смена эмоциональной направленности, «раздвоение душевной жизни» — были подведены под понятие психопатия. Это существенным образом сместило фокус диагностики с генетически обусловленной патологии к расстройству личности, что входило в компетенцию психиатрии и служило гуманизации судебного процесса (поскольку ставился вопрос о вменяемости / невменяемости подсудимого). В итоге «присяжные заседатели признали факт преступления доказанным, а подсудимую — действовавшей в состоянии умышленного преступления. Суд определил отдать П. П. Качку для лечения в больницу».¹¹ С этого времени обозначение дисгармоничных личностей как психопатических все шире входило в психиатрическую терминологию и в конце концов прочно закрепилось в ней.

Возвращаясь к комментируемому фрагменту, заметим: конкретная датировка появления новейшего motto и соответствующая самопрезентация писателя («сам себя называл „психопатом“») должны были быть обеспечены глубоко пережитым личным опытом, чтобы по прошествии многих лет остаться в памяти. И такой «психопатический» след в биографии писателя присутствует. Именно в ноябре 1880 года Розанов, студент Московского университета, узаконил свои отношения с Аполлинарией Суловой,¹² бывшей возлюбленной Достоевского, *femme fatale* своего времени. Автор современной биографии писателя подчеркивает «влияние на Розанова факта прежней близости Суловой с Достоевским, которого он в те годы буквально боготворил», как одну из «странных», «почти психопатических особенностей этого „идейного“ брака».¹³ Привязанность к этой «инфернальной» женщине и поведение которой были отмечены чертами истерического расстройства, обернулась для писателя, по его позднему признанию, «бесконечным несчастьем, многолетним унынием, помрачением ума, совести, всего».¹⁴

В речевой обиход слова «психопат» и «психопатка» стремительно входят на волне общественного интереса к сенсационному делу об убийстве 13-летней Сарры Беккер, совершенном при ограблении ссудной кассы (ломбарда) на Невском проспекте. Ход судебных заседаний ежедневно освещался в прессе — как крупными столичными газетами, так и полицейскими и «бульварными» листками. Процесс, длившийся с 1883 по 1885 год, превратился в крупнейшее медийное событие эпохи.¹⁵ Из трех фигурантов дела особое внимание

¹⁰ См.: *Кербилов О. В.* Судебные процессы 80-х годов и учение о психопатиях в отечественной медицине // Кербилов О. В. Избр. труды. М., 1971. С. 37–55 и след.

¹¹ *Плевако Ф. Н.* Избр. речи. С. 334.

¹² К моменту знакомства гимназиста Розанова с Суловой ему было 20 лет, ей — 36.

¹³ *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013. С. 89. См. также: «Мистическая трагедия»: В. В. Розанов и А. П. Сулова (по материалам архивных разысканий) // Вступ. статья, подг. текста, комм. Е. И. Гончаровой // Русская литература. 2022. № 3. С. 145–156.

¹⁴ *Ибис* [Розанов В. В.]. Иван Ляпунов // Новое время. 1900. 16 июля. № 8758. С. 2 (см.: *Розанов В. В.* Собр. соч. М.; СПб., 2009. Т. 27. Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. С. 512). Характерно, что, публикуя очерк, выдержанный в стилистике интимного признания, прототипа психоаналитического досье, Розанов прибегнул к приему двойного кодирования: вывел автобиографического героя под вымышленным именем, скрыв авторство под псевдонимом.

¹⁵ См.: Дело о Мионовиче, Семеновой и Безак, в судебно-медицинском отношении / Сост. проф. И. М. Сорокин. СПб., 1885; *Андреевский С. А.* Дело Мионовича // Андреевский С. А. Защитительные речи. СПб., 1891. С. 133–216; *Кербилов О. В.* Избр. труды. С. 39–42. Свод материалов прессы по данному делу см.: *Курганов Е.* Преступление без наказания. М., 2017.

и публики, и прессы, и экспертного сообщества привлекала личность Екатерины Семеновой. Сначала давшая признательные показания, затем отказавшаяся от них, покушавшаяся на самоубийство, лжесвидетельствовавшая, она в конце концов была признана невменяемой. Судебно-медицинская экспертиза в лице известных психиатров профессоров О. А. Чечотта и И. М. Балинского, проведя освидетельствование подсудимой, апеллируя к психическим и поведенческим девиациям в анамнезе, пришли к заключению: не страдавшая определенной формой психического расстройства, она, тем не менее, находится в «психопатическом состоянии», т. е. является «психопаткой». Мнение экспертов было мгновенно растиражировано репортерами «Нового времени», «Судебной газеты», «Санкт-Петербургского полицейского листка», объявившими фигурантку процесса «первой публично обнародованной психопаткой».¹⁶ Согласно вынесенному вердикту, И. И. Миронович, владелец кассы, был оправдан, М. Безак, инициатор ограбления, признан виновным в преступлении и приговорен к ссылке в Сибирь, сама же Семенова, признанная невменяемой, помещена в психиатрическую больницу. Таким образом, и в истории психиатрии, и в юриспруденции, и в общественном сознании появление термина «психопат» прочно связалось с данным процессом.¹⁷

Еще одним каналом трансляции и распространения термина «психопат» стал интеллектуальный бестселлер эпохи — книга М. Нордау «Вырождение» («Entartung», 1892; на рус. яз. 1893), точнее — ее русский перевод, осуществленный Р. И. Сементковским. В предисловии ко второму изданию редактор и переводчик, вновь отметив приоритет О. А. Чечотта во введении в общее употребление этого термина, сделал еще один ход. Конкретизировав его семантику сравнительно с термином «вырождение», он предложил адаптировать последний к условиям русскоязычного узуса: «...у нас слово „психопат“ приобрело именно то значение, в каком Нордау употребляет слово „entarteter“ (выродившийся субъект), и поэтому мы позволили себе заменить в переводе последнее более родственным, а вместе с тем и понятным для нас словом „психопат“».¹⁸ Редактор подчеркивал, что в представляемой книге под термином «вырождение» подразумевается не только «отклонение от нормы в физическом отношении вследствие наследственных причин», но

¹⁶ Свет. 1884. 13 (25) дек. Позднее П. И. Ковалевский в своей «Судебной психопатологии» (1900) также упоминал о Семеновой как о «первой всероссийской психопатке». В 1902 году В. П. Сербский, возвращаясь к нашумевшему делу, констатировал: «...наше общество благодаря ему чуть не впервые услышало быстро затем привившееся название „психопат“» (цит. по: *Кербинов О. В.* Избр. труды. С. 39). В настоящее время исследователи на основе анамнеза и статуса психопатологических симптомов, содержащихся в экспертном заключении по делу Семеновой, пришли к выводу об отсутствии у нее психопатии «в современном диагностическом понимании» (*Литвинцев С. В.* К вопросу о границах психопатий // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии.* 2017. № 1. С. 13).

¹⁷ Во имя исторической справедливости следует отметить первопроходческую роль В. Х. Кандинского в отграничении психопатий, еще до судебно-медицинского заключения по «делу Семеновой» рассмотренного «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных (Дело девицы Юлии Губаревой)» (1883; наст. фам. подсудимой Островлева), см.: *Пятницкий Н. Ю.* Эволюция концепции «психопатии» от В. Х. Кандинского до С. А. Суханова // *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова.* 2020. № 120 (6). С. 75–81. В. Х. Кандинский (1849–1889) — один из основоположников русской психиатрии, параллельно с французским психиатром Гаэано Гасьено де Клерамбо описал синдром психического автоматизма (галлюцинаторно-параноидный синдром), получивший название «синдром Кандинского — Клерамбо»; сам страдал шизофренией и некоторые выводы сделал на основе самонаблюдений. Состоял в родстве (троюродный брат) с художником В. В. Кандинским.

¹⁸ *Сементковский Р.* Назад или вперед? (Предисловие к русскому изданию) // Нордау М. *Вырождение (Entartung): Психопатические явления в области современной литературы и искусства.* 2-е изд. СПб., 1896. Стб. XXXIV. Ср. словарные синонимы прил. «entartet»: вырожденный, порочный, испорченный.

«уклонение от нормального типа вообще», т. е. «психическое вырождение».¹⁹ Свою мысль Нордау иллюстрировал на огромном литературном материале от «современных французов» до Г. Ибсена и Л. Толстого, рассматривая литературу как «собрание патологических случаев». Мистицизм, криптомания, интерес к «темной области нервной жизни», массовые психозы, «нервные помешательства» — такими чертами обрисована эпоха *fin de siècle*.

Современные историки психиатрии отмечают, что термин «психопатия» в художественную литературу и в повседневный речевой обиход вошел быстрее, чем в специальную психиатрическую номенклатуру, объясняя данный факт тем, что «психопатические личности оставались в жизни, вне стен психиатрических лечебниц, и психиатры в те годы редко встречались с ними как с пациентами».²⁰ Распространению и литературной легитимации термина «психопат» изначально способствовали, ни много ни мало, писатели первого ряда. Еще до окончания судебного процесса, когда «дело Семеновой» находилось на утверждении в Сенате, в февральском и мартовском номерах журнала «Новь» за 1885 год Н. С. Лесков опубликовал рассказ под заглавием «Старинные психопаты»: в этой «номинации» выступили главные герои — малороссийский помещик-самодур Степан Иванович Вишневский и его жена, Степанида Васильевна, с целью укрощения дикого нрава мужа подыскивавшая для него юных наложниц, при этом жизнь супругов текла в полном согласии и довольстве друг другом. Объясняя свой интерес к личностям неординарным, эксцентричным, курьезным и подразделяя их типологически на «героев» и «плутов», автор подводил их под общий знаменатель — «психопатов», используя «модное» слово в предупреждении к типичному для него повествованию о провинциальных чудаках: «Очевидно, фантазия людей данной местности выражает их настроение и, так сказать, создает сама себе *своих козырей* для своей игры. Но замечательно, что все эти козыри, как герои, так и плуты, — все в своем роде выходят как будто в свою очередь тоже и „психопаты“».²¹

Не прошел мимо сенсационного события и А. П. Чехов, выступив в октябре 1885 года на страницах «Петербургской газеты» с рассказом-сценкой «Психопаты», где юмористически обыграл «психопатическую» зависимость обывателя от информационного натиска прессы. Писатель доводит до алогизма и языкового абсурда репортажи из зала суда по «делу Мироновича», каким они предстают в восприятии недалеких мещан, падких на газетные сенсации. Типы новой формации и дали название скетчу, вышедшему из-под пера автора «психопатологических очерков» (так характеризовал он сам рассказы сборника «Хмурые люди»), диагноста и аналитика психопатических состояний, — тема, подробно и в разных ракурсах рассмотренная в современном чеховедении. В речи персонажей чеховских произведений середины 1880-х — начала 1890-х годов (драма «Иванов», рассказы «Тина», «Поцелуй», «Мститель», «Хорошие люди», «В потемках» и др.) модные слова «психопат», «психопатка» (и даже глагольный дериват последнего — «опсихопатилась») встречаются достаточно часто, что свидетельствует, во-первых, о распространении моделей поведения, подпадающих под данное определение, во-вторых, о вовлечении медицинского термина в повседневный языковой узус, наконец, о роли литературы как катализатора подобных явлений.

¹⁹ Там же. Стб. XXXIII.

²⁰ Бурцев А. О. Возникновение и развитие понятия «психопатия»: отечественные и зарубежные исследования личностных расстройств в XIX веке // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. Электронный научный журнал. 2014. № 3 (6). <http://humjournal.rzgm.ru/art?id=89>; дата обращения: 20.04.2022.

²¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 7. С. 278.

Беллетристическим откликом на череду судебных процессов первой половины 1880-х годов в их «гендерной» специфике стал рассказ Я. П. Полонского «Психопатка» (1889). В нем много рассуждений о душевных расстройствах, патологиях характера, споров о том, считать ли лживость, эгоизм, отсутствие нравственных принципов отрицательными чертами личности или же признаками душевного недуга, — в этом как раз и заключен основной «посыл» произведения.²² Его главная героиня, Александра Марковна Иволгина, мошенница и шантажистка, в зале суда ведет себя неадекватно, манипулирует мнением, то клеветает, то прибегает к самооговору, но этим только привлекает внимание к своей персоне: «Процесс был в высшей степени интересен, и от публики отбоя не было... Всем хотелось видеть психопатку...».²³ На признании психопатии у подсудимой и строится линия защиты, и здесь автор достаточно точен в фиксации ее основных пунктов: «...не были забыты ни наследственность сумасшествия, ни воспитание, ни ранние годы подсудимой, проведенные при большой матери, ни даже ее, будто бы вынужденное неудачное замужество...».²⁴ Психопатка оправдана, но в речи одного из персонажей (а это газетный отклик на судебный процесс), точка зрения которого совпадает с авторской, подобный вердикт подвергается сомнению: вопрос о психопатии как болезни остается открытым, поскольку осознается возможность симуляции и использования девиантного поведения в корыстных целях. «Мы, вследствие ненормальности жизни, все более или менее психопаты. Есть психопатия и в излишествах любви и самоотвержения, и есть психопатия в излишествах порока или в явной склонности к уголовщине... <...> Не наказывайте психопатов и психопаток, если вы находите это справедливым, но будьте справедливы и к обществу, спасите и его от их разнузданной воли, пошлых страстей, низменного ума и произвола».²⁵

Целую галерею «психопатов» представил в одноименном сборнике рассказов А. В. Амфитеатров, плодовитый беллетрист, сторонник натурализма как метода беспристрастного наблюдения. Весь событийный контекст вокруг дела «первой психопатки» был ему, «охотнику до странных характеров, исключительных положений и настроений»,²⁶ хорошо известен.²⁷ В центре внимания автора — «исключительные случаи»: ситуации, выходящие за пределы рационального понимания, характеры, балансирующие на грани нормы и патологии. Бред, галлюцинации, гипнотизм, разные формы маний

²² Несколько в ином ракурсе рассматривается рассказ в статье Е. А. Гаричевой «Тема безумия в творчестве Достоевского и Полонского» (Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 359–374).

²³ Полонский Я. Психопатка. СПб., 1892. С. 157 (Бесплатное приложение к журналу «Родина». 1892. № 10).

²⁴ Там же. С. 159.

²⁵ Там же. С. 160, 161–162. Позиция, заявленная в фикциональном пространстве литературного текста, существовала как альтернативное мнение и в публичном экспертном поле. Ср., например, исключительно негативную оценку манипулятивного поведения Екатерины Семеновой: «Эта-то психопатка, памятуя, что она в сумасшедшем доме, и зная о невменяемости душевных больных, захотела пустить в коммерческий оборот это ее право... Мы удивляемся, что до сих пор не нашли спекулянты, которые бы занимали психопатов не только для ответственности за сделанное преступление, но и для самого совершения преступления. В нашем обществе такая масса душевных больных, что для ловкого человека всегда можно найти подходящее лицо» (цит. по: Кербигов О. В. Избр. труды. С. 44). Далее говорилось о необходимости расширения психиатрических больниц и помещений в них «психопатов».

²⁶ Амфитеатров А. В. Случайные рассказы. СПб., 1890. С. 3.

²⁷ В одном из фельетонов цикла «Записная книжка» он с иронией упоминает о фигурантке громкого процесса: «Жила-была когда-то на свете некая Семенова, мнимая убийца Сарры Беккер, знаменитая тем, что с нее пошло в оборот и загуляло по печати слово „психопатка“» (Амфитеатров А. Заметки сердца. М., 1909. С. 134).

и девиаций, поданные с налетом таинственности и намеком на увлечения оккультизмом, всегда сюжетно мотивированы психической болезнью персонажа, дурной наследственностью («вырождением»), влиянием среды и прочими модусами позитивного знания. Кто же они, амфитеатровские психопаты? Их ряды открывает «первый психопат» — Иуда, переживающий обсецию на почве предательства и кончающий собой в состоянии аффективного возбуждения. Это обитатели уединенных поместий, зараженные криптоманией, доставшейся в наследство от дедов вместе с библиотекой мистической литературы; молодые женщины, страдающие истерией и галлюцинациями; вдовцы, жаждущие общения с туманными призраками своих умерших жен; институтки, одержимые сомнамбулическими припадками; неуравновешенные субъекты, совершившие криминальные деяния в состоянии аффекта.²⁸ Так, например, этюд «Он» имеет однозначный в своих коннотациях подзаголовок «Исповедь сумасшедшей». Повествование в форме монолога окрашено «готическим» колоритом (замок, населенный призраками прошлого, «тайны» семьи, чтение мистической литературы и т. п.), насыщено актуальными аллюзиями, выполняющими функцию «эффекта реальности» (названы имена известных психиатров — Шарко, Кожевников, модные методы лечения неврастении — душ, гипноз и пр.). Фантом больного воображения сексуально фрустрированной героини — «Он» — «странное, непонятное существо, ни человек, ни демон, ни зверь, ни призрак», однозначно интерпретируется как сгусток энергии либидо: «Он, ежедневно налагающий на меня свою тяжелую руку; он, в чьей губительной власти моя душа и тело; он, кого я днем боюсь и ненавижу, а ночью люблю всею доступной моему существованию страстью; он, неумолимо ведущий меня к скорой ранней смерти. <...> Существование человека, ступившего одной ногой за порог естественного, превращается в сплошной экстаз, в безумную смесь хандры и пафоса, восторгов и оупения...».²⁹ В сюжетной основе этюда «Сказка темной ночи» — встреча страдающего галлюцинациями персонажа с «призраком», воплощением своего «второго я»: «Быть может, я ничто иное, как твоя безумная, печальная, острая, злая дума в то самое мгновение, как она зарождается в твоей голове <...> отделившаяся от тебя и представшая тебе полувоплощенной... я — ничто, я — лишь отраженность ума, я — тот инстинкт, которого лишился человек, когда возвысился над природой».³⁰

Внимание писателя привлекают те неопределенные душевные состояния на грани между психическим здоровьем и помешательством, заявляющие о себе разными странностями характера — эксцентричностью.³¹ Через дневники, исповеди, записки своих персонажей он дает голос «неразумию» современной ему эпохи, создавая коллективное тело «психопата» — фигуры Иного, вытесненного культурой из своего *ratio*. Все это образцы странного, аффектированного, полубессознательного «говорения» (язык инстинкта, «ночной стороны души»), предвосхищающие практику психоанализа. Пси-

²⁸ Об интересе к психопатологическим и парапсихологическим феноменам и их отражении в творчестве писателя подробнее см.: Грякалова Н. Ю. Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008. С. 37–57.

²⁹ Амфитеатров А. Психопаты. Правда и вымысел. М., 1893. С. 29, 33.

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ Ср. одно из наиболее популярных в 1880-е годы определений психопатии и «психопатов»: «Лица, страдающие психопатией, не могут считаться душевнобольными в собственном смысле этого слова, но они являются теми странными, загадочными существами, которые чувствуют, мыслят и поступают иначе, нежели здоровые лица, которые нередко уже с детства являются глубоко порочными существами и которые вместе с тем представляют собой верных кандидатов на душевную болезнь» (Психопатия и ее отношение к вопросу о вменении / [Соч.] Проф. В. М. Бехтерева. Казань, 1886. С. 12).

хиатрия и психопатология, в том числе судебная, вводят в научный оборот описание клинических и криминальных случаев — патологических казусов, анамнезов, «исповедей», «досье». Таким образом этим формам дискурсивных практик открывалась дорога в литературу либо через беллетризацию, либо через включение в текст на правах «человеческого документа» — подлинного свидетельства о человеческой жизни, что предполагало использование «сырого», необработанного материала: писем, дневников, записных книжек, автобиографических признаний — прототипа психоаналитических «досье». Подробно реконструируя историю понятия, возникшего в эпоху натурализма, декларативно ориентированного на методы экспериментальной медицины Клода Бернара, современный исследователь обращает внимание на связь понятия «человеческий документ» с семантикой «болезни», его ассоциации с «больной душой», что было особенно актуально в контексте «представлений об эпохе „упадка“ и „разложения“».³²

«Психопат», «неврастеник», «мономан», «вырожденец», «декадент» создают эпохальные конфигурации «Иного» — эмблемы того, что культура отвергает, отесняет в маргинальное пространство и в то же время стремится переосмыслить и принять. Ставкой в противостоянии между теорией вырождения (дегенерации) — доминирующим биолого-медикалистским дискурсом эпохи *fin de siècle*, и свойственными уже новой фазе модернизма антипозитивистскими воззрениями на природу творческого воображения и свободу личностного самовыражения будет «оправдание» невротического (психопатического) субъекта, моделирование его ментального горизонта, речевого поведения и в итоге — конституирование как культурного персонажа.

³² Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012. С. 66, 67 (Slavica Helsingiensia; 42). Автор обращает также внимание на контекст употребления слова «психопатка» в 1880-е годы (прим. 155 на с. 63).

DOI: 10/31860/0131-6095-2022-3-49-62

© И. А. КРАВЧУК

Д. И. ХАРМС ПРОТИВ И. И. МЕЧНИКОВА: ОБ ОДНОЙ ПАРОДИЙНОЙ «ТЕОРИИ ПИТАНИЯ»*

Предметом нашего рассмотрения станет небольшая цитата из повести Д. И. Хармса «Старуха» (1939), довольно хорошо известная не только исследователям, но и широкой читательской аудитории. Речь идет о сцене, в которой герой-рассказчик заходит к своему приятелю Сакердону Михайловичу с бутылкой водки, сардельками и хлебом. Хозяин предлагает поставить кастрюлю с сардельками на плиту, а пока сардельки варятся, закусывать водку вареным мясом из супа: «Сакердон Михайлович поставил на керосинку кастрюльку, и мы сели пить водку.

— Водку пить полезно, — говорил Сакердон Михайлович, наполняя рюмки. — Мечников писал, что водка полезнее хлеба, а хлеб — это только солома, которая гниет в наших желудках».¹

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Хармс Д. И. Старуха // Хармс Д. И. Полн. собр. соч.: [В 4 т.]. СПб., 1997. Т. 2. С. 172.